

плотившейся в поэме Ивана Карамазова. «"Камни и хлебы", — сообщает он, — это современный социальный вопрос»: социализм «хлопочет прежде всего о хлебе...» На это Христос отвечает: «Не хлебом единым жив человек»

Лифшиц: Герцен

с. 481–482. [Л.П. Гроссман:] Критика одной из центральных страниц евангелия ведется *якобы с позиций передовой мысли XIX века, представленной Достоевским в образе испанского первосвященника* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: ??

с. 482. [Л.П. Гроссман:] Но под Ватиканом здесь все время разумеются и новейшие социальные учения, призывавшие еще в сороковые годы к переустройству человечества на основе правильного распределения материальных благ

Лифшиц: Не видит, что это и Чингисхан, и либерализм, и что *Достоевский* прав в своей полемике против этого и против *такого* социализма как *демократ*

с. 482. [Л.П. Гроссман:] «Вавилонская башня», «общий и согласный муравейник», «потребность всемирного соединения», «успокоение всех», «миллионы счастливых младенцев» — вся эта терминология Инквизитора соответствует обычному словоупотреблению Достоевского, когда он пишет о социализме

Лифшиц: Это верно, однако не совсем так и Иван не согласен с Инквизитором

с. 483. [Л.П. Гроссман:] Здесь раздаются отзвуки ранней социалистической литературы, питавшей мысль петрашевцев, — «Иисус перед военными судами», «Иезуитизм, побежденный социализмом» Дезами или «Истинное христианство» Кабе (в последней книге имеется глава «Иисус отвергает все искушения»). В рассказе 1847 года «Хозяйка» уже звучит одно из основных утверждений Инквизитора: «Ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее свободы!»

Лифшиц: Это так, но... пока свобода запечатлена [?] темой возможного получения наследства

[На этом заметки Мих. Лифшица на полях примечаний Л.П. Гроссмана к роману Достоевского «Братья Карамазовы» заканчиваются]

3. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПОВЕСТИ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

[Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10 томах, том четвертый. М., 1956]

с. 133. [Надпись вверху страницы, над заголовком повести]

Как угнетенность, подавленность и не фактическая, а подавленность сознательного существа переходит в проблему *бескорыстно злого*, которое по-своему род добра и во всяком случае лучше *корыстно доброго* (а социализм, мол, это тоже *корыстно-доброе*), но Достоевский здесь

смешивает маневр просвещенного деспотизма, делающего из человека дрессированное животное, как у Дурова, — вот тебе награда, а вот наказание — и «корыстно-доброе» в смысле *самодетельности человеческого материального существа*, которое свободно, а не «на шаромыжку», непосредственно нравственно

с. 133. Достоевский: Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество

Лифшиц: Полное опровержение взгляда Бахтина

с. 134. Достоевский: ...я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе наврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит!

Лифшиц: Рефлексия по принципу наоборот. Весьма наглядная игра рефлексии

с. 134. Достоевский: Я был злой чиновник. Я был груб и находил в этом удовольствие. Ведь *я взятки не брал* [выделено Лифшицем], стало быть, должен же был себя хоть этим вознаградить.

Лифшиц: *бескорыстно-злое*

с. 134. Достоевский: Но из ферттов я особенно терпеть не мог одного офицера. Он никак не хотел покориться и омерзительно гремел саблей. У меня с ним полтора года за эту саблю война была. Я, наконец, одолел

Лифшиц: Род уравнилительной справедливости

с. 134. Достоевский: ...я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек, что я только *воробьев* [выделено Лифшицем] пугаю напрасно и себя этим тешу

Лифшиц: Общество, в котором и курица кажется ястребом

с. 134–135. Достоевский: Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал. Я просто баловством занимался и с просителями и с офицером, а в сущности никогда не мог сделаться злым. Я поминутно сознавал в себе много-премного самых противоположных тому элементов

Лифшиц: парадоксально [два слова неразб.] злым, заключает в себе противоположный элемент

с. 135. Достоевский: Я не только злым, но даже *ничем* [выделено Лифшицем] не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак

Лифшиц: Что характерно для *рефлексии* — это формализация мысли, которая скорбит уже не столько о том, что она недостаточно хороша или не находит себе выхода в жизнь, она скорбит о том, что в ней нет вообще

определенного *материального* содержания — любого, нет силы, нет определенности. А суть дела в том, что человек действительно стал настолько исторически коллективно создаваемым существом, что ему остается только *рефлексия на этот счет*, вот в чем он свободен. Словом — к активности сознания дайте еще свободу!

с. 135. Достоевский: Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, *деятель*, — существом по преимуществу *ограниченным* [все выделения выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: То есть свобода неопределенному [?], свобода рефлексии (Штирнер^[163] и т. д.)

с. 136. Достоевский: Для человеческого обихода слишком было бы достаточно *обыкновенного* [выделено Лифшицем] человеческого сознания, т. е. в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре

Лифшиц: Тут уже не то, что сознание рассматривается [?] в любви, в деятельности. Нет, здесь уже: 1) просто сознание делает невозможным быть чем-либо, сознание, которое [два слова неразб.] от всего, чистая рефлексия 2) все это снижено до уровня коллежского асессора, Голядкина, Опискина и т. п. Какая парадоксия таится в этом маленьком человеке. А вы не знали? Значит, вы не жили в двадцатом веке.

с. 137. Достоевский: Впрочем, что ж я? — все это делают; болезнями-то и тщеславятся...

Лифшиц: болезнь

с. 137. Достоевский: Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и *всякое сознание болезнь* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Вот до чего дошла уже рефлексия! Назад, в несознание — следующий шаг

с. 137. Достоевский: ...отчего так бывало, что, как нарочно, в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознать все тонкости *«всего прекрасного и высокого»* [выделено Лифшицем], как говорили у нас когда-то, мне случалось уже не сознать, а делать такие неприглядные деяния, такие, которые...

Лифшиц: Как на зло

с. 137. Достоевский: Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознать, что вот я сегодня сделал гадость, что сделанного опять-таки никак не воротить, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, *проклятую сладость* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: *противочувствия*. Проблема соединения прекрасного и высокого с низким (поставленная кругом Белинского) у Достоевского из *трудности их соединения* (исторически реального) переходит в *каверзную парадоксальность*. Ср. впоследствии чорт в «Карамазовых»

с. 138. Достоевский: ...наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уже сам чувствуешь, что до *последней* [выделено Лифшицем] стены дошел; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком; что если б даже и оставалось время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то наверно сам бы не захотел переделываться; а захотел бы, так и тут бы ничего не сделал, потому что на самом-то деле и переделываться-то, может быть, не во что.

Лифшиц: Замечательно! Отчаяние, переходящее в успокоение. Это общая диалектика. А не *освобождение ли это от своей субъективности!*? От грызущей субъективности. От несоответствия между тем, что есть, и тем, что должно быть. В *этом и живет субъективность*^[164]. А тут крышка — все только объективно, т. е. не включает в себе никакой трещины

с. 138. Достоевский: А главное и конец концов, что все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов, а следовательно, тут не только не переделаешься, да и просто ничего не поделаешь

Лифшиц: «Усиленное сознание», т. е. рефлексия, ведет в конце концов к освобождению от суда и следствия, к оправданию мира и себя в нем. «Кто нахал, я нахал? Да, я нахал, я нахал». Подлости, делаемые из отчаяния и прикрываемые отчаянием

с. 139. Достоевский: Кстати, перед стеной такие господа, т. е. *непосредственные люди и деятели* [выделено Лифшицем], искренно пасуют

Лифшиц: «Стена». *Антитеза ума и страсти, действия*, ума и нормальной жизни. Но это все так в сознании «нелепца» [?] Он только *считал* себя умнее всех. Это *субъективная рефлексия*, пародия на горе от ума, на Фонтенеля^[165] [?] etc. Обыватель считает себя умнее всех, умная *мышь*.

с. 139–140. Достоевский: [«нормальный человек», «каким хотела его видеть сама нежная мать-природа, любезно зарождающая его на земле»] Я такому человеку до крайней желчи завидую. Он *глуп*, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень *красиво*. И я тем более убежден в этом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитезу нормального человека, т. е. человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из *реторты* (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот *ретортный человек* до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека [все выделения и подчеркивания выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: 1. *нормальный человек* и 2. усиленно сознающий человек. «Ретортный человек» и его *самоотречение*, жажда нормальности. Переход от «униженных и оскорбленных» к «обиженной» сознающей мышши.

с. 140. Достоевский: И главное, он *сам, сам* ведь считает себя за мышши; его об этом никто *не просит*; а это важный пункт [все выделения выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: «Сам» вот проблема Достоевского. Это и у Канта, но у Достоевского. Сам — и хорошо, плохо укладывается. Поэтому существует [?] *роковая самость*

с. 142. Достоевский: Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробую такой стены лбом...

Лифшиц: А что ты сделаешь? Буду наслаждаться гадостью своего непримирения [?]

с. 143. Достоевский: — А что ж? и в зубной боли есть наслаждение...

Лифшиц: Есть наслаждение в бою etc. в *сниженном виде*

с. 145. Достоевский: Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания — это инерция, т. е. сознательное сложа-руки-сидение. Я уж об этом упоминал выше. Повторяю, усиленно повторяю: все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены

Лифшиц: Вот как оборачивается и пародируется гамлетовская проблема! Но ведь и Гамлет, и Чацкий — не от сознания страдают, а от невозможности удовлетворения полурешением

с. 146. Достоевский: Вспомните: давеча вот я говорил о мщении (Вы, верно, не вникли). Сказано: человек мстит, потому что находит в этом справедливость

Лифшиц: Это уж прямо к Гамлету. Гамлет из подполья о мести. Но с мстью это так, а действовать и мстить — не одно и то же. Мсть заскорузное, *стихийное*, исторически сложившееся действие, а действие по разуму может выйти за пределы стихийности и все же быть действием. Только нужно, чтобы это действие было *конечным*. А как найти основу, конечную причину? По методу актуальной бесконечности, а это хоть не кругло, а в конечное [?] время возможно. Но т. к. все же не кругло, то гениальная дескрипция^[166] Достоевского всегда будет иметь силу

с. 147. Достоевский: Я знал господина, который всю жизнь гордился тем, что знал толк в лафите. Он считал это за положительное свое достоинство и никогда не сомневался в себе. Он умер не то что с покойной, а с торжествующей совестью, и был совершенно прав. А я бы себе тогда выбрал карьеру: я был бы лентяй и обжора, но не простой, а, например, сочувствующий всему прекрасному и высокому [...] Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мне затылок в мои сорок лет; но это в мои сорок лет, а тогда — о, тогда было бы иначе! Я бы тотчас же отыскал себе и соответствующую деятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекрасного и высокого

Лифшиц: Тут уже просто ушат яду на либерализм. *Бездеятельность в пользу доброго и прекрасного*, а здесь именно *в нику им*. Все доброе и прекрасное глупо

с. 148. Достоевский: И такое себе отрастил бы я брюхо, такой тройной подбородок соорудил, такой бы скандальный нос себе выработал, что всякий встречный сказал бы, смотря на меня: «Вот так плюс! вот так уж настоящее положительное!»

Лифшиц: Всякий + = глупость, только *отрицательное* = сущность рефлексии

с. 148. Достоевский: О, скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов...

Лифшиц: Зло не есть следствие *незнания*. Есть *злая воля* (ср. религиозные корни этой теории), но вопрос этот *важен*, ибо может быть так, что материальный интерес есть («заинтересованность») и объясняется ясно, а *воля все-таки топорищится*. Это становится проблемой социализма. Буржуазная критика социализма — и в чем она парадоксально права. Но и не права — ибо нужно еще решить *вторичный*, но важный вопрос. Поправка к теории разумного эгоизма

с. 149. Достоевский: Ведь, значит, им действительно это упрямство и своеволие было приятнее всякой выгоды... Выгода! что такое выгода?

Лифшиц: не утилитаризм. Человек вовсе не следует своей пользе, что доказывается его иррациональными стремлениями (верно то, что идеальное в человечестве, в *создании человеческого* совершается в *обратной форме*)

с. 149. Достоевский: А что, если так случится, что человеческая выгода *иной* раз не только может, но даже и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного?

Лифшиц: Бескорыстно-злое и *аскетическое* — если простое незнание становится источником благородства разумного эгоизма, то здесь указывается *другой источник: обратная связь*

с. 149. Достоевский: У меня, например, есть приятель... Эх, господа! да ведь и вам он приятель; да и кому, кому он не приятель! Приготовляясь к делу, этот господин тотчас же изложит вам, велеречиво и ясно, как именно надо ему поступить по законам рассудка и истины. Мало того: с волнением и страстью будет говорить вам о настоящих, нормальных человеческих интересах; с насмешкой укорит близоруких глупцов, не понимающих ни своих выгод, ни настоящего значения добродетели; и — ровно через четверть часа, без всякого внезапного, постороннего повода, а именно по чему-то такому внутреннему, что сильнее всех его интересов, — выкинет совершенно другое колено, т. е. явно пойдет против того, о чем сам говорил: *и против законов рассудка и против собственной выгоды, ну, одним словом, против всего* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: Это, конечно, намек на Чернышевского и его *противоречия*: нет[,] жизнь, а сам в Петропавловскую крепость

с. 152. Достоевский: Тогда-то — это все вы говорите — настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностью, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно, потому, что на них получатся всевозможные ответы. Тогда выстроится *хрустальный дворец* [выделено Лифшицем]. Тогда...

Лифшиц: Сие тоже Чернышевский

с. 153. Достоевский: Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен, с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в бока и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!

Лифшиц: *Бравый новый мир*^[167]

с. 153. Лифшиц: Уж будто все это говорит только лишь коллежский регистратор, а не [неразб.] Достоевский, и не мы с вами читаем.

с. 153. Достоевский: Человеку надо — одного только *самостоятельного* [подчеркнуто Достоевским и Лифшицем] хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела. Ну и хотенье ведь *черт знает* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: Двусмысленность понятия «*выгода*», «*интерес*». Достоевский совершенно верно замечает, что *интерес* — это вовсе не рассудочно понятая выгода. Эта выгода может быть даже и против интереса. Интерес = страсть, самодеятельность, протест. И он *материален!*

с. 158. Достоевский: Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удерживать за собой, единственно для того, чтоб самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, по которым хоть и играют сами законы природы собственноручно, но грозят до того доиграться, что уж мимо календаря и захотеть ничего нельзя будет

Лифшиц: т. е. *жизнь*. Из всех *выгод* для *жизни* важнее всего *жизнь*

с. 158. Достоевский: ...потому что ведь все дело-то человеческое, как-жестя, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик!

Лифшиц: да ведь доказывать себе — это только игрушка. Значит, в правильной мысли Достоевского тоже нужно *distinguo*^[168] — нужно такое доказательство «не втулка», которое было бы реально, а не просто пакустничеством да почесыванием.

с. 159. Достоевский: — Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает!

Лифшиц: Элемент плоскости в этом, конечно, есть, хотя есть и серьезный вопрос

с. 160. Достоевский: Не потому ли, может быть, он [человек] так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание? Почему вы знаете, может быть, он здание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи; может быть, он только любит создать его, а не жить в нем...

Лифшиц: А почему бы не *distinguo*? Да, страсть к разрушению etc. Но это страсть как *парадокс созидательной страсти* или она дерьмо. Разрушительная страсть (ср. Бакунин) [—] инкорпорирование в *общину* людей как негативный уравнильный элемент

с. 160. Достоевский: И, кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — *в самой жизни*, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не что иное, как дважды два четыре, т. е. формула, а ведь дважды два четыре есть уже не *жизнь*, господа, а начало *смерти* [все выделения выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: *отчасти* справедливо

с. 163. Достоевский: Не смотрите на то, что я давеча сам хрустальное здание отверг, единственно по той причине, что его нельзя будет языком подразнить. Я это говорил вовсе не потому, что уж так люблю мой язык выставять. Я, может быть, на то только и сердился, что такого здания, которому бы можно было и не выставять языка, из всех ваших зданий до сих пор не находится

Лифшиц: Все ясно как на ладони! Не либеральный прогресс, а социализм, но не такой социализм, который до сих пор я вижу

с. 171. Достоевский: Я, например, искренно презирал свою служебную деятельность и не плевался только по необходимости, потому что сам там сидел и деньги за то получал. В результате же, — заметьте, все-таки не плевался. Наш романтик скорей сойдет с ума (что, впрочем, очень редко бывает), а плеваться не станет, если другой карьеры у него в виду не имеется...

Лифшиц: То есть уж и себя в либерализме стыдит, что и правильно

с. 171–172. Достоевский: Повторяю, ведь сплошь да рядом из наших романтиков выходят иногда такие *деловые шельмы* (слово «шельма» я употребляю любя), такое чутье действительности и знание положительного вдруг оказывают, что изумленное начальство и публика только языком на них в остолбенении пощелкивают. Многосторонность поистине изумительная, и бог знает во что обратится она и выработается при последующих обстоятельствах и что сулит нам в нашем дальнейшем? А недурен материал-с!

Лифшиц: Пародия на Белинского

с. 190. Достоевский: Первым делом моим по выходе из школы было оставить ту специальную службу, к которой я предназначался, чтобы все нити порвать, проклясть прошлое и прахом его посыпать...

Лифшиц: Кад[етский] корпус?

с. 239. Достоевский: Без власти и тиранства над кем-нибудь я ведь не могу прожить...

Лифшиц: См. [стр.] 236. Совершенно рецептурно: униженность, подавленность оборачивается обратным: страшной жаждой деспотизма, угнетения [?]. Вот проблема Достоевского: мелкий и злой червяк и его деспотизм

с. 240. Достоевский: Во-первых, я и полюбить уж не мог, потому что, повторяю, любить у меня — *значило тиранствовать и нравственно превосходствовать* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: проблема «нравственно превосходствовать» (это вот не хорошо — либерализм, анархизм, продолжение неравенства социального, вторичное)

с. 240. Достоевский: Я и в мечтах своих подпольных иначе и не представлял себе любви, как борьбою, начинал ее всегда с ненависти и кончал нравственным покорением, а потому уже и представить себе не мог, что делать с покоренным предметом

Лифшиц: История *безлюбой любви*, начиная с XVIII в.

с. 240. Достоевский: «*Спокойствия*» я желал, остаться один в подполье я желал. «Живая жизнь» с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно

Лифшиц: То же «комплекс». Ср. стр. 237.

с. 241. Достоевский: Но вот что я наверно могу сказать: я сделал эту жестокость, хоть и нарочно, но не *от сердца*, а от дурной *моей головы* [выделения выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: Различие это все же прослеживается!

с. 242. Достоевский: Упасть перед ней, зарыдать от раскаяния, целовать ее ноги, молить о прощении! Я и хотел этого; вся грудь моя разрывалась на части, и никогда, никогда не вспомню я равнодушно эту минуту. Но — зачем? — подумалось мне. — Разве я не возненавижу ее, может быть, завтра же, именно за то, что сегодня целовал ее ноги?

Лифшиц: Сердце и «умишко»

с. 243. Достоевский: Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке [подчеркнуто Лифшицем] лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажим, чего просим? Сами не знаем чего. Нам же будет хуже, если наши блажные просьбы исполнят. Ну, попробуйте, ну, дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку

Лифшиц: Вот мы, мол, все такие, когда нас не по книжке рассматривать. Поможет ли нам *самодеятельность*? Сразу же установим обратное

с. 244. Достоевский: Так что я, пожалуй, еще «живее» вас выхожу. Да взгляните пристальнее! Ведь мы даже не знаем, *где и живое-то живет теперь* и что оно такое, как называется? [...] Впрочем, здесь еще не кон-

чаются «записки» этого парадоксалиста [все выделения и подчеркивания выше сделаны Лифшицем]

[После окончания «Записок из подполья» запись Лифшица]:

1. Переход от лишних людей и демонических личностей к парадоксалистам и антигероям
2. Это по-своему демократично захватывается. «Книжка», «общечеловек» — недемократичны. Давайте будем с настоящим собственным телом, пусть хоть путем парадоксализма. Это все же живее — на безрыбье и рак рыба (чем ваша книжка). И сам Достоевский тут же предпочитает, чтобы опека сохранилась, ибо, мол, сами запросим. Таковы мы, служители жизни, нам *грош цена*. Вывод и реакционный и критичный по отношению к парадоксалистам, которым ничего не нужно, кроме спокойствия да чаю.

4. ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ «БЕСЫ»

а) Заметки на полях романа «Бесы»

[Достоевский Ф.М. Собр. соч. Том седьмой. Бесы. М., 1957]

[На этой книге из библиотеки Мих. Лифшица много его подчеркиваний, различных знаков и выделений текста; в наст. изд. воспроизводятся только маргиналии]

с. 8. Достоевский: Бесспорно, что и он [Степан Трофимович Верховенский] некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения...

Лифшиц: Как ни гневно о нигилистах младшего поколения, еще более зло, ядовито об «отцах». И в этом Достоевский бесспорно «разночинец», увы, совпадающий с Катковым

с. 12. Достоевский: Я ведь не утверждаю, что он совсем нисколько не пострадал...

Лифшиц: Что-то в тоне фальшивое — рассказчик и наивен и ядовит. Смеяться мы должны, [а] ухмыляется он

Достоевский: А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемены карьеры было еще преждее и снова возобновившееся деликатнейшее предложение ему от Варвары Петровны Ставрогиной...

Лифшиц: Немного напоминает положение Сазонова?

с. 13. Достоевский: Он бросился в объятия этой дружбы, и дело закрепились слишком на двадцать лет

Лифшиц: Здесь раздвоения нет. См. с. 12. Смеемся *мы*

с. 13–14. Достоевский: Воплощенной укоризною

.....

Ты стоял перед отчизною;

Либерал-идеалист^[169]